

Размышления над новой книгой

© 1997 г.

Н.И. ДРЯХЛОВ, В.А. ДАВЫДЕНКО

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЯН: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ДРЯХЛОВ Николай Иванович - доктор философских наук, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. ДАВЫДЕНКО Владимир Александрович — доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и предпринимательства Омского государственного технического университета.

Эта коллективная монография¹ представляет собой продолжение философско-социологического анализа на основе мониторинговых эмпирических исследований базовых ценностей различных групп населения, начатых авторским коллективом под руководством Н.И. Лапина в конце 80-х годов [1] и продолженных в середине 90-х годов [2]. Ученые продолжают проводить масштабные эмпирические социологические исследования, используя не только свой отработанный инструментарий, но и сравнительно новые программы и методы работы в экстремальных условиях кризисного социума. Это и стало поводом для наших размышлений о разработке новых социологических методологий, о новых технологиях сбора, обработки и анализа данных.

Предваряя общие выводы о книге, следует сказать, что она являет собой значительное событие в научной жизни и, на наш взгляд, требует своего внимательного рассмотрения в широком историческом контексте.

Известно, что каждое научное направление по-своему решает ключевую методологическую проблему теоретического исследования микро- и макроуровней. Авторы данной книги считают, что реализовали "встречный подход", исследуя базовые ценности в органическом сочетании встречного движения теоретических и эмпирических методов. По их мнению, особенно эффективно такое сочетание методов - при повторном получении эмпирических данных по сопоставимой методике (с. 3). На наш взгляд, в результате использования именно такой методологии и получилась целостная по своему научному содержанию коллективная монография.

При этом не обошлось без своеобразного "разделения труда": Н. Лапин сконцентрировал свое внимание на философско-социологическом анализе предпосылок, параметров и стадий развития кризисно-реформируемого общества; на методологической проработке типологии базовых ценностей и ценностных позиций. Л. Беляева сосредоточилась на эмпирической части исследования, представив важные признаки и индикаторы трансформации социальной структуры российского общества; проанализировала процессы формирования новых поведенческих типов, новых ценностных ориентиров изменения социальной стратификации, социальной и профессиональной мобильности в новых рыночных условиях. Н. Наумова зафиксировала смысловые точки в понимании возможных действий человека в переходном периоде нашего

¹ Лапин Н.И., Беляева Л.А., Здравомыслов А.Г., Наумова Н.Ф. Динамика ценностей населения реформируемой России. М., 1996, 221 с.

общества, которые представляют собой различные стратегии, мотивации и типы его поведения; проследила важные зависимости социального поведения человека от объективных особенностей нестабильного общества, а также логику жизни внутреннего мира человека в этих экстремальных условиях. А. Здравомыслов осуществил анализ конфликтов интересов в контексте изменения базовых ценностей россиян.

Обратимся к исходным методологическим и историко-социологическим предпосылкам (допущениям), которые авторы положили в основу анализа проблемы ценностей.

Исследование поведенчески-мотивирующих ценностей человека, фундаментальных установок как "модуса личности", смысложизненных ориентаций на уровне отдельных индивидов и на уровне социальных групп (страт) - достаточно традиционная, давно разрабатываемая область в мировой науке. Следует, на наш взгляд, упомянуть несколько различных парадигм, определяющих постановку проблемы системы ценностей в социологии, причем по различным основаниям. Так, еще Э. Дюркгейм заострил внимание на постановке самой проблемы системы ценностей в социологии как на идеалах, которые являются главными двигателями поведения человека, и за которыми стоят реальные и действующие коллективные силы. По Дюркгейму, на великих ценностных идеалах формируются и базируются целые цивилизации [3]. Для него вопрос стоял в том, как на таких идеалах увидеть истоки вновь создаваемых ценностей, связь вещей с различными аспектами идеала, как это формируется самим человеком.

Авторы анализируемой нами монографии в полной мере сохранили и использовали этот важный методологический принцип Э. Дюркгейма, показав, что для успешной модернизации общества (перехода в "российский рынок") необходима определенная иерархия базовых ценностей, которые должны быть "точно отобраны" для каждой из предшествующих стадий модернизации, когда создается определенная комбинация ценностных факторов. Эта иерархия базовых ценностей должна свидетельствовать не только о готовности общества к переменам, которые несет с собой рынок, и не только дать реалистические представления о целях движения и средствах их достижения (терминальные и инструментальные ценности), но и мотивировать само стремление достаточного числа социальных групп взять на себя задачу выступать субъектами этих изменений.

Иная социологическая традиция в разработке концепции ценностей идет от Г. Риккерта, который рассматривал всю историю человечества как процесс осознания и воплощения ценностей, философию - как учение об общезначимых ценностях, а культуру - как общую сферу опыта, где единичные явления соотносятся с ценностями, при этом именно ценности и определяют величину индивидуальных различий человека в оценках и суждениях [4]. Использование этого подхода помогло проследить авторам "Динамики..." зависимость социального поведения от объективных процессов. Социокультурный подход, складывающийся сейчас в отечественной социологии, нацелен на изучение ключевых объективных параметров как структуры, так и динамики тех социокультурных факторов, которые сегодня складываются в нашем кризисном обществе. Рассматривая их ценностное содержание, такой подход требует также и соотнесения объективно складывающихся ценностей с реальными общественными субъектами на личностном, групповом и общественном в целом уровнях. Этот подход требует сосредоточения на исследовании массовых социальных процессов как основном объекте изучения, а также помещения рассматриваемых тенденций в целостные контексты. На наш взгляд, Н. Лапин и его коллеги успешно справились с такой задачей.

Если и далее отслеживать те историко-методологические приемы, которые сохранили в научной традиции и использовали в модифицированном виде авторы анализируемой монографии, то следует сказать, что они достаточно широко использовали логико-методологическую основу разработки концепции социологии ценностей М. Вебера [5], не обошли вниманием классические работы Т. Парсонса [6].

Следует напомнить, что среди научных школ, изучающих структурные особенности

системы индивидуальных ценностей, известны школы грузинского психолога Д. Узнадзе, российского социолога В. Ядова [7], которая, в свою очередь, опиралась на известную работу М. Рокича [8].

Эти и другие методологические, теоретические и эмпирические научные традиции, имевшие место в социологии и смежных с ней науках, были бережно сохранены, переосмыслены и широко использованы авторами монографии при дальнейшей разработке важных концептуальных идей по базовым ценностям, самой стратегии и тактики проведения эмпирических исследований.

Анализируя цели монографии, следует зафиксировать, что авторы выявили тенденции изменения ценностей населения и их функции в начальный период радикальной социокультурной трансформации российского общества (1990-1994 гг.). Что касается ключевой гипотезы проекта, то она заключалась в следующем высказывании: "в кризисно-реформируемом социуме не только происходит структурный кризис ценностей, но и качественно меняется их роль в эволюции общества - новая структура общественных представлений индивидов и социальных групп о добре и зле, об одобряемых и осуждаемых нормах поведения приобретает (если использовать понятие синергетики) функции аттракторов, своего рода встроенных магнитов, удерживающих общество в хаотической области или же вытягивающих его из хаоса и влекущих общество к новому социокультурному состоянию" (с. 4).

На наш взгляд, выделенная авторами ключевая гипотеза проекта представлена все-таки в предельно общем, не конкретизированном виде. Но такая исследовательская позиция имеет как свои преимущества, так и недостатки. Достоинство такого подхода - в концептуальной целостности рассмотрения проблемы, что, собственно, и предполагает социокультурный подход. Недостаток - в слабой операционализации основной концепции в форме частных гипотез.

Другое достоинство такого подхода - в осмыслении и снятии противоречий между ценностями культуры и социальными ценностями, в воплощении культурных контекстов в тех или иных индивидах и социальных группах, в выстраивании иерархии уровней, направленных на достижение конкретности получаемых результатов. Опять же недостаток такого подхода — ввиду ориентации, в основном, на качественный анализ ценностей - меньшая направленность на изучение количественных характеристик, статистических данных. Авторы, с точки зрения "чисто социологического" подхода, не в достаточно полной мере отразили в монографии анализ эмпирического исследования базовых ценностей по социальным стратам современного российского общества, хотя они привели некоторые данные об экономических ценностях по социальным группам (с. 24-40).

Общая проблема социокультурного исследования базовых ценностей решается авторским коллективом как бы "на стыке" двух фундаментальных парадигм: понимания ценностей в свете представленной выше историко-социологической научной традиции Э. Дюркгейма, Г. Риккерта (хотя сам он и не относил социологию к "науке"), М. Вебера и Т. Парсонса, с другой стороны, с точки зрения разрабатываемых подходов с позиций общей теории синергетики лауреата Нобелевской премии И. Пригожина, и, в частности, анализа ценностей в кризисном социуме с точки зрения теории бифуркации и аттракторов [9].

Авторы монографии, с одной стороны, реализуют в данной работе социокультурный подход, ранее намеченный в своих предыдущих исследованиях, различая четыре вида мотивов в структуре человеческих действий: традиции, эффекты (эмоции), цели и ценности, когда эти мотивы должны побуждать людей не только сами по себе, но и на основе определенной совокупности потребностей, которые, в свою очередь, возбуждают и направляют действия людей на соответствующие объекты, и которые удовлетворяются на основе разнообразных правил, образцов, стереотипов поведения. Интересы при этом непосредственно определяют преимущественно целерациональные действия, а ценности не только мотивируют ценностно-ориентированные действия, но и одновременно служат фундаментальными нормами побуждения

любых видов действий. Отсюда получается, что глубинными регуляторами человеческих действий являются, в конечном счете, потребности и ценности [10].

С другой стороны, авторы роль этих глубинных регуляторов человеческих действий в условиях переживаемого нами тяжелого политического, структурного экономического и патологического социокультурного кризисов считают особенно значительной, поскольку наше общество, по сути дела, оказалось в хаотической области динамики своего развития. Подобное состояние общества они попытались достаточно корректно описать с позиций синергетики. По их мнению, роль таких структур, аттракторов, в кризисном социуме и выполняют прежде всего базовые ценности (точнее, новые их структуры, формирующиеся на старой "базисной" основе в условиях хаоса и кризиса). Эти фундаментальные ценности, согласно гипотезе авторов, не только выполняют роль "аттракторов" в ситуации хаоса, но также и мотивирующе-поведенческую роль при принятии главных решений индивидом в той или иной социальной ситуации. Авторы монографии фактически поставили перед собой сверхзадачу выявить реальные тенденции изменения базовых ценностей российского народа и их основных функций в экстремальной ситуации достаточного жесткого переходного периода от командной системы хозяйствования к "рыночной". Решалась эта сверхзадача путем попыток обнаружения тех непреходящих (или точнее, по Т. Парсонсу, ставших в содержательно-понятийном контексте более глубокими в понимании жизни) традиционных ценностей российского народа, которые и позволили ему до сих пор выжить. Главным средством для достижения поставленной цели было проведение повторного исследования структуры ценностей россиян, позволяющего сопоставить его результаты с результатами первого исследования (лето 1990 г.), проведенного теми же авторами четыре года спустя (весна 1994 г.).

Заслуживает большого внимания сама техника и технология подготовки и проведения конкретного социологического исследования (КСИ): авторы монографии сделали это настолько грамотно, показательно и красиво, что это может служить одним из лучших на сегодняшний день образцов правильно проведенного научного исследования.

Если говорить о содержательных аспектах монографии, то нам хотелось бы заострить внимание на следующих, на наш взгляд, весьма важных и во многом нетрадиционных выводах, полученных авторским коллективом.

Во-первых, в целом подтвердилась гипотеза о ценностях как аттракторах выбора (индивидами, группами, обществом) на эмпирическом уровне - гипотеза о том, что в условиях патологического социокультурного кризиса возрастает вероятность того, что именно базовые ценности принимают в обществе на себя функции аттракторов, одни из которых удерживают общество вблизи хаотической области, а другие влекут его из этой опасной зоны на орбиту устойчивого движения к новому социокультурному состоянию. Это верно и в отношении как социально-политических, так и социально-экономических процессов (с. 14). Поразительно, но факт, что несмотря на потрясения, через которые прошли россияне в 1991-1993 гг., принципиальное отношение к ценностным суждениям - согласие или несогласие с ними, одобрение или отрицание их ценностного содержания - осталось почти неизменным. Такая устойчивость результатов свидетельствует прежде всего о том, что кризис ценностного сознания вовсе не означает, как это нередко считают, крушения всех прежних ценностей россиян. Базовые ценности сохраняются как раз потому, что выражают фундаментальные, общечеловеческие ориентиры и нормы поведения. И в сознании россиян они глубоко укоренены - были, остаются и пробудут с нами (с. 55).

Во-вторых, подтвердилась гипотеза о том, что в переходном-кризисный период развития общества человек не может ограничиться только "адаптацией", приспособлением к разрушающе действующим экстремальным факторам внешней среды: у него возникает потребность в более стратегическом отношении к происходящему — активном противодействии, определяемом логикой его сопротивления. Отсюда - и парадоксальное усиление внутренней детерминации поведения, неуместное, казалось бы, в

ситуации диктата внешних обстоятельств. Это - тип целерационального поведения, ориентированного на разрушение, что выражается, например, в различных формах социального протеста - критики властей, разоблачения злоупотреблений, забастовки и демонстрации (с. 132-135).

В-третьих, подтвердилась гипотеза и о том, что в то время, когда начинает меняться историческое мироощущение человека, его система ценностей активизируется, противодействуя внутреннему разладу. Речь идет об укреплении и развитии индивидуальной системы ценностей, наращивании ее потенциала, а также об усилении рациональной составляющей в своих установках и поведении. Рациональность таких установок и действий проявляется в преодолении или недопущении симптомов "катастрофического поведения": появляется трезвый, без паники, анализ ситуации, дифференцированная оценка реальных угроз (с. 135-136).

В-четвертых, эмпирически подтвердились гипотезы о том, что в структуре ценностного сознания людей существуют ценности терминальные и инструментальные, а также "центр" и "периферия", что их взаимодействие является основой развития социокультурной системы ценностей.

Для прикладных целей на уровне общества ценностная система была дифференцирована на четыре группы: ценностное ядро - ценности высшего статуса (доминирующая в общественном сознании группа ценностей, которая интегрирует общество или иную социальную общность в некоторое целое); структурный резерв — ценности среднего статуса, которые могут перемещаться в состав ядра или на периферию (область между доминированием и оппозицией, где наиболее интенсивно проявляются ценностные конфликты между индивидами и социальными группами, а также внутрилличностные конфликты); периферия - ценности ниже среднего, но не самого низкого статуса, они также подвижны и могут перемещаться в "резерв" или в "хвост" (влиятельные оппозиционные ценности, разделяющие членов данной общности на приверженцев существенно разных ценностей и потому вызывающие наиболее острые конфликты); "хвост" - ценности низшего статуса, состав которого малоподвижен (в обществе в "хвосте" оказываются ценности явного меньшинства, отличающегося от остальных членов общности большей стабильностью своих ориентаций, унаследованных от прошлых пластов культуры).

После ряда экспериментов и сложных процедур операционализации авторы книги пришли к согласованному перечню из 14 базовых ценностей, или ценностных понятий - семи терминальных (жизнь человека как высшая ценность, свобода как "свобода для...", нравственность, общение, семья и личное счастье, работа как самоценность, благополучие), и семи инструментальных (инициативность и предприимчивость, традиционность, независимость, самопожертвование, авторитетность, законность, волевоность как "свобода от..."), а также 44 ценностных суждений, разбитых на интегрирующие и дифференцирующие альтернативные пары, которые были образованы в четыре подсистемы - витальную, интеракционистскую, социализированную и смысло-жизненную (с. 47—80, 138).

При чтении монографии напрашивался вопрос: кому предназначалась "рыночная реформа". Сегодня очевидно, что она задумывалась, предназначалась и проводилась для партийно-хозяйственной элиты и в интересах партийно-хозяйственной элиты. Авторы монографии делают жесткий вывод: "Единственным субъектом, побудителем и направляющей силой развития является здесь верховная власть, будь то государство в лице бюрократии, номенклатура, партийные комитеты или верховный правитель. Остальные члены общества представляют собой аморфную, пластичную массу, которая лишена свободы выбора своей линии экономического, политического, духовного поведения и самовыражения... Если лишь элитный слой населения обладает возможностями быть субъектом социального действия, а остальная - основная - масса не имеет стимулов к такой активности, то социальная структура подобного типа становится помехой общественному развитию, и такое общество обречено на стагнацию" (с. 82, 84).

К 1994 г. доходы более 70% населения опустились ниже дореформенного уровня. Одновременно ускоренными темпами проходила концентрация доходов небольшой группы: 10% наиболее богатых людей получали в 1994 г. 35% совокупных доходов, тогда как на долю 10% самых обездоленных приходилось всего 2,7% доходов (с. 30).

Между тем авторы монографии доказали, что в условиях нарождающегося рынка с 1990 по 1994 г. 7,4% населения (по репрезентативной российской выборке) смогла не просто адаптироваться и сохранить свой уровень жизни, но и улучшить его. В этой цифре, по их мнению, сказываются адаптационные возможности российского населения, снижение ожиданий и притязаний к рыночным реформам, постепенное заполнение рыночных ниш и естественное для занятых в этих секторах повышение стоимости рабочей силы, возрастание для занятых в этих секторах уровня жизни (с. 33—34).

Итак, социокультурные методологические, теоретические и эмпирические исследования основных культурных элементов российского общества в конце 80-х - середине 90-х годов, прежде всего базовых ценностей, норм, значений, смыслов, идеальных типов поведения индивидов и групп, анализ степени их интеграции и дифференциации позволили авторам анализируемой нами монографии обнаружить процессы разрушения и созидания ценностных и нормативных структур. Процесс разложения социокультурных форм приобретает видимость неизбежного трагического ценностного конфликта.

После прочтения книги невольно приходим к выводу о том, что, хотя в силу устойчивости русского характера к действию экстремальных факторов внешней среды базовые традиционные ценности изменились мало, - но базовые условия жизни ныне существенно поколеблены для большинства российского населения. Весь процесс переживаемой трансформации общества привел сегодня к резкому снижению качества социально-демографических характеристик российского народа. Это выражается не только в падении уровня и качества жизни, снижении профессиональной квалификации, уровня образования, неуверенности в завтрашнем дне и в невиданном разрыве интересов элитарных верхов и подавляющих масс населения, но в предельной концентрации власти и собственности среди немногих (если раньше СССР контролировало Политбюро, то сегодня Россию - "Банкбюро" (Маршал Голдман): семь банковских групп, по свидетельству "Financial Times", контролируют 50% российской экономики; по заявлению В.С. Черномырдина, 20-30% российской экономики контролируют деятели теневой экономики и криминальные структуры).

Наше общество встало перед необходимостью кардинального изменения курса реформ для достижения того состояния, которое характеризуется социальными показателями в высокоразвитых странах, когда четко фиксированы уровень и качество жизни населения, установлен законом допустимый минимум уровня его колебания, когда различные общественные организации, партии и государство своей главной задачей считают поддержание и приумножение благосостояния народа всей страны, равенства прав и возможностей всех людей.

По книге у нас есть лишь одно принципиальное критическое замечание - неоправданно мал тираж (1000 экз.), чтобы удовлетворить спрос научной общественности на это издание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ценности социальных групп и кризис общества // Сб. статей. Отв. ред. Н.И. Лапин. М., Институт философии АН СССР. 1991, 152 с.
2. Лапин Н.И., Беляева Л.А. (ред.). Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М, 1994.
3. Дюркгейм Э. Ценностные и "реальные" суждения // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. М., 1995. С. 286-304.
4. Риккерт Г. Наука о природе и науки о культуре // Культурология, XX век. М., 1995. С. 69-103.
5. Вебер М. Основные социологические понятия / Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 625-630.

6. *Parsons T.* The Structure of Social Action. New York, 1937; *Parsons T.* The Social Sistem. New York, 1951; *Парсонс Т.* Функциональная теория изменения / Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. I. М., ИСИ АН СССР, 1969. С. 158-160.
7. См.: Ядов В.А. (ред.) Саморегулирование и прогнозирование социального поведения личности. М., 1979.
8. *Rokeach M.* The nature of human values. New York, 1973.
9. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986. Гл. 5.
10. Лапин Н.И., Беляева Л.А. (ред.) Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М, 1994. С. 89.